

STARперы русского рока.

“Крематорий” вспомнил всё

На закате перестройки — когда “революция растущих ожиданий” уже сменялась “революцией утраченных надежд” — группа “Крематорий” или “Крем”, как называют ее боящиеся концлагерно-кладбищенского слова, дала в Иркутске два ярких концерта. Происходили они, как и большинство тогдашних рок-концертов, в зале Политехнического института и сопровождалась обычными для тех времен явлениями: переаншлагом, минимумом милиции, выносом дверей, обильным курением и крушением кресел в зале, практически безалкогольным экстазом публики.

“Крематорий” выгодно отличался от большинства перестроечных рок-групп тем, что практически игнорировал модную антисоветскую тематику, то есть не исполнял “песен протеста”, производимых рокерами того времени в невероятном количестве. Русские рок-музыканты, увлекаемые перестроечным мейнстримом, как выразился рок-критик Илья Смирнов, толпами “бросались на амбразуру, убедившись, что в ней нет пулемета”. “Крем” заигрывал с метафизической и бытовой тематиками. Даже песня “Павлик Морозов жив” не казалась политической, а политический видеоряд в клипе популярной песни “Мусорный ветер” выглядел просто нелепым.

Те два перестроечных концерта разделяло несколько месяцев, от чего долгое время существовал миф о “Крематории” как о группе,

“очень часто” выступающей в Иркутске. Некоторые мемуаристы-любители могут рассказать, что в Иркутске было пять или даже десять “перестроечных” концертов Армена Григоряна и его команды.

На самом деле, имел место еще один концерт в 1993 году, который лично я почему-то не помню, в связи с чем возникает предположение, что я на нем не был.

А вот 25 мая сего года не поддающаяся кремации временем группа после тринадцатилетнего перерыва дала концерт в полупустом Дворце Спорта. Концерт был отмечен обилием охраны, сохранением всех дверей и стульев, а также разных степеней “поддастостью” пришедшей публики. И экстазом конечно. Экстаз, а также тот факт, что 90% исполненного музыкантами материала исполнялось “Крематорием” в Иркутске “в те самые времена”.

Времена и поколения меняются, но странноватые героини григоряновских песен — безобразная Эльза, Таня, маленькая девочка со взглядом волчицы, фригидная любительница клубники со льдом — все также цепляют публику. Совершенно очевидно, что Григоряну когда-то удалось разгадать секрет написания “вечных песен” (секрет, который был известен таким разным людям, как автор песни “Белые розы” и автор песни “Звезда по имени солнце”). На концерте Григорян несколько раз просто как школьный учитель музыки дирижировал хоровым исполнением публикой собственных

песен. Замечательный и древний “Кондратий” прозвучал именно в таком формате. В конечном итоге, что такое исторически-знаковая, умеренно-талантливая и по-хорошему старперская группа, как не гуманистический вариант караоке для людей, которые заплатили за билет?

Надо отдать должное Армену Сергеевичу, он довольно мудро парирует упреки в некоем “консерватизме” собственного творчества: *“Согласен, наша музыка, конечно, подвержена штампам. От этого никуда не деться, ведь мы играем в этом составе уже много времени. Наверное, нужно разогнать группу, собрать новый проект и попытаться поэкспериментировать. С другой стороны, в нашем возрасте уходить в хип-хоп поздновато, да и новые технологии не вписываются в стилистику “Крематория”. Может быть, какие-то прогрессивные штуки и нужно вводить, но если ты зажат в рамки ритм-энд-блюза, вырваться оттуда сложно, и не хотелось бы делать это искусственно”*.

Музыкальный стиль группы почему-то (и почему-то с подачи самих музыкантов) уже много лет определяется как “вальс-блюз”. Это странно, потому что в стилистике вальсов или блюзов (тем более, их сплыва) написано не так уж много песен группы. Подавляющее большинство их песен сделано на основе этакого “хард-кантри” или того стиля, что остроумно называют “американом”. Когда музыка словно имитирует стук колес